

**THE STUDY OF THE CITIZEN ACTIVISM
OF YOUNG PEOPLE LIVING IN RURAL AREAS
IN THE ALTAI TERRITORY
(BY THE EXAMPLE OF THE OPINION POLL) 90**

A.V. Sharapov

**SIMULATION OF REPRODUCTIVE MECHANISMS
OF TRANSIT MIGRATION.....101**

M.I. Cherepanova M.B. Maksimov, S.A. Saryglar

SECURITY IN ASIAN REGION

**TRADITIONS VS GLOBALIZATION:
VALUE ORIENTATIONS OF THE POPULATION
OF MODERN KAZAKHSTAN 114**

O.V. Kaldybayeva, M.S. Kaldybayev

**GEOPOLITICAL AND GEO-ECONOMIC CHALLENGES
TO THE CENTRAL ASIAN TERRITORIES
IN THE CONTEXT OF ULTRA-CONTINENTAL SITUATION.....140**

A.V. Krotov

**THE INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL SERVICES
AS A FACTOR OF PERSONS WITH SPECIAL NEEDS'
VULNERABILITY REDUCTION IN THE SOCIAL SPACE
OF THE EAST KAZAKHSTAN REGION 159**

T.V. Karacheva

**TRANSIT IN THE STRUCTURE
OF MIGRATION EXCHANGES OF RUSSIAN REGIONS WITH
THE CIS-COUNTRIES
(EXPERIENCE OF STATISTICAL ANALYSIS) 170**

O.E. Noyanzina, S.G. Maximova

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....189

СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

SOCIOLOGY OF SECURITY

УДК 316.472

ГЕНЕРАЛИЗОВАННОЕ (ОБОБЩЕННОЕ) ДОВЕРИЕ В РОССИЙСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Д.А. Омельченко, С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

Генерализованное доверие определяет положительное отношение к людям в целом и готовность к кооперации, обсуждаются возможности его использования в качестве показателя безопасности и открытости российского общества, состояния межличностных и межгрупповых отношений. Основываясь на данных социологических исследований в шести приграничных регионах России (n = 2400), авторы проводят детальный сравнительный анализ трех показателей доверия (доверия к людям в целом, к социальному окружению, готовности помогать другим людям), выявляют факторы, обуславливающие различия в уровне доверия с учетом региональной специфики, предпринимают попытку построения интегрального индекса и обоснования обобщенных моделей доверия. В ходе анализа обнаружены статистически значимые взаимосвязи между отдельными показателями доверия и уровнем образования, местом проживания, социальным статусом, уровнем материального положения респондентов, в отдельных регионах и по отдельным переменным выявлены ассоциации между доверием, национальностью респондента и степенью его религиозности, свидетельствующие о неравномерном распределении доверия в различных группах и слоях населения приграничных территорий.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 17-33-00049 «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России», 2017–2019.

Ключевые слова: генерализованное доверие, социальная безопасность, регионы России, индекс доверия, IRT модели.

GENERALIZED TRUST IN RUSSIAN BORDER REGIONS AS INDICATOR OF SOCIAL SAFETY D.A.

D.A. Omelchenko, S.G. Maximova, O.E. Noyanzina

*Altai State University, Barnaul, Russia,
email: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

The article focuses on generalized trust, defining positive attitude towards others and the potential to cooperate even with unknown people, its use as a possible indicator of social safety and openness, the state of interpersonal and inter-group relations in Russian society. Drawing on the results of sociological surveys in six border regions (n = 2400), the authors fulfill a detailed comparative analysis of the three various indicators of trust (trust towards people as a whole, trust towards social environment, readiness to help others), reveal factors, explaining differences in levels of trust tailored to regional specific, attempt to build an integral index and describe general models of trust. Significant associations between separate indicators of trust were found in the analysis, they concern level of education, type of settlement, social and material position, in some regions the level of trust was related to nationality and religiousness. The results witness about heterogeneous distribution of trust in different social groups and strata in border territories.

Keywords: *generalized trust, public safety, regions of Russia, trust index, IRT models.*

Введение

Более полувека назад Георг Зиммель сказал, что «доверие является одной из наиважнейших объединяющих общественных сил» (Simmel, 1950: 326), и за прошедшие десятилетия научное сообщество еще более утвердилось в том, что доверие является одним из ключевых факторов, определяющих характер социальных отношений. Его часто называют «социальным клеем», связывающим индивидов, социальные группы и общества и облегчающим достижение коллективных целей, в том числе в сфере государственного управления, правопорядка и социальной политики (Braithwaite, Levi, 2003). Доверие является очень мощным конструктом, и последние исследования показывают, что индивиды с высоким уровнем доверия более склонны к сотрудничеству в условиях неопределенности и конфликта интересов, вовлечены в добровольческую активность, отмечают большую удовлетворенность жизнью, имеют более высокий уровень физического здоровья и ожидаемой продолжительности жизни (Stolle, 2002; Van Lange, 2015).

Несмотря на то что доверию дано множество определений, часто подчеркивается, что его основными характеристиками являются уязвимость, позитивные ожи-

дания и активная позиция доверяющего. Во-первых, доверие всегда предполагает риск, поскольку в результате оказания доверия всегда есть вероятность потери и разочарования. В противном случае речь идет не о доверии, а об уверенности – основанном на фактах и аргументах убеждении в отсутствии негативных последствий (Luhmann, 2000). Во-вторых, доверие не может существовать без позитивных ожиданий относительно объекта доверия, которые обычно направлены вовне (доверяют обычно «другим»), иначе доверие несет разрушительный потенциал (доверять тому, о ком заранее известно, что он не заслуживает доверия, противоречит здравому смыслу). И главное, доверие является не пассивной покорностью обстоятельствам, а результатом активного действия, выбора, который может повлечь за собой ненадежные или невозможные для проверки результаты (Штомпка, 2012: 79–82). Таким образом, в наиболее общем, синтезированном смысле доверие рассматривается как состояние индивида, принимающего свою уязвимость (зависимость) и ожидающего от «других» (конкретного человека, членов группы или общества в целом), что они будут вести себя достаточно предсказуемо (Фукуяма, 2004; Colquitt, 2007).

Данная статья посвящена разновидности доверия, характеризующей отношение к людям в целом, вне зависимости от контекста, личного знакомства или групповой принадлежности, и обозначающей потенциальную готовность взаимодействовать и кооперировать, в том числе с незнакомыми людьми, – генерализованному (обобщенному) доверию (Nannestad, 2008). Именно обобщенное доверие чаще всего (хотя не всегда обоснованно) связывают с демократизацией общества, высоким уровнем образованности, меньшим социальным расслоением и уровнем бедности, высокой продолжительностью жизни и постматериальными ценностями (Uslaner, 2003).

Несмотря на огромный интерес исследователей и внушительный объем кросс-национальных данных концептуализация обобщенного доверия далека от совершенства и изобилует многочисленными, подчас противоречивыми подходами. Так, А. Алексеева (2008: 85–98) выделяет две группы основных теорий. В рамках первого направления обобщенное доверие выступает показателем межличностного доверия на макроуровне и является отражением культуры доверия и социального капитала общества. Во втором подходе, который автор называет социально-психологическим, обобщенное доверие рассматривается как своеобразная мировоззренческая установка индивида относительно возможности оказания доверия окружающим, предрасположенность к доверию. Основываясь на работах Г. Шаала и Я. Фузе, А.В. Иванов (2015: 17–34) описывает четыре трактовки обобщенного (социального) доверия: социально-психологическую, представляющую доверие как внутреннюю когнитивную установку субъекта (типичный представитель Э. Эриксона); когнитивно-субъектную, рассматривающую доверие как специфическое свойство субъекта, наличие у него определенных личностных качеств и черт характера, которые способствуют формированию и поддержанию доверительных отношений с другими людьми (типичный представитель Б. Барбер); рационалистическую, отражающую поведенческую стратегию, основанную на вероятностном характере оценивания индивидами действий других людей, анализе выигрышей и издержек, к которым

приводит то или иное решение (типичный представитель – Р. Хардин, автор концепции «инкапсулированного интереса»), и коммуникативную, тяготеющую к интеракционистскому подходу, в рамках которого доверие рассматривается в качестве ожидания, направленного на социальную кооперацию и согласованное взаимодействие с другими субъектами. Несмотря на значительный эвристический потенциал указанных подходов, все они в большей мере (кроме последней) подчеркивают индивидуальные особенности индивида, нежели социальные факторы, способные влиять на уровень доверия в обществе.

Своеобразным консенсусом среди микро- и макроуровневых теорий является концепция «морального доверия» Э.М. Усланера, который полагает, что базисом для формирования доверия является общность моральных норм, а точнее – признание доверия ценностью. В отличие от рационалистических теорий Д. Гамбетты, Р. Хардина, Т. Ямагиши моральное доверие, по Э. Усланеру, не основывается на опыте прошлых взаимодействий, мотивации партнера и оценке его надежности. Это норма, которая предполагает «презумпцию» доверия, основанную на оптимизме и усваиваемую в раннем возрасте (Uslaner, 2002). Более того, даже в случае наступления негативных последствий индивид, обладающий моральным доверием, не изменяет своей точки зрения и дает другим еще один (а потом следующий) шанс. Таким образом, моральное доверие является устойчивой чертой, которая может быть присуща как отдельным индивидам, так целым коллективам и обществам.

Вопрос о применимости разнообразных теорий генерализованного доверия и их подтверждения на реальных данных является чрезвычайно важным для понимания возможностей и ограничений тех или иных теоретико-методологических подходов. В этой связи большой интерес представляет исследование, проведенное Дж. Делхи и К. Ньютоном (2003), представляющее критический анализ шести основных теорий, описывающих основные детерминанты социального доверия (табл. 1) – теорий личности, успеха и социального благополучия (индивидуальные теории) и теорий добровольческих организаций, социальных сетей, местного сообщества и социетальных теорий (социальные теории). Авторы приходят к выводам о том, что:

- во-первых, эти теории не являются взаимоисключающими или несовместимыми, поскольку соотносятся с различными типами и уровнями анализа: одни объясняют вариативность доверия между индивидами, другие – между странами, третьи хорошо работают, если требуется сравнить доверие в определенный момент времени, а четвертые – если нужно проследить динамику доверия во времени;
- во-вторых, различные теории вносят различный вклад в познание сущности социального доверия, и те переменные, на которых они ставят акцент, могут иметь различный эффект при различных обстоятельствах;
- в-третьих, как теории, так и предлагаемые ими индикаторы (или факторы) доверия в значительной степени пересекаются (Delhey, Newton, 2003: 100). Обращаясь к результатам кросс-национальных исследований, они утверждают, что три из шести теорий «мало что дают», тогда как оставшиеся три «работают лучше» и синтезируют основные закономерности, наличие которых подтверждается эмпирическими данными: более высокий уровень доверия наблюдается среди граждан, которые

ощущают себя в большей безопасности и дают низкие оценки распространенности конфликтов и социальной напряженности, доверие ассоциируется с неформальными социальными сетями и с личной успешностью. В странах с высоким уровнем доверия большую роль в его детерминации играют индивидуальные факторы, тогда как в странах с низким уровнем доверия целесообразнее применять вертикальный нисходящий (top-down) подход, связывающий доверие с факторами социетального порядка.

Таблица 1

Основные теории и детерминанты доверия (по Delhey & Newton, 2003)

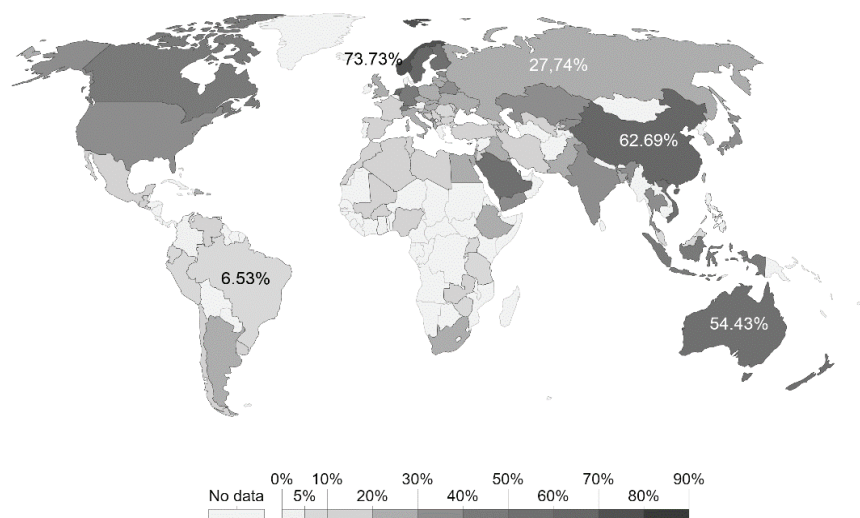
Теории	Переменные
Индивидуальные	
Теория личности (Erikson, Allport, Cattell – Uslaner)	Оптимизм, самоконтроль и вера в возможность сотрудничества как элементы общей диспозиции личности и отношения к миру
Теория успеха и социального благополучия (Newton, Putnam, Inglehart)	Доходы, социальный статус, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность работой, счастье, уровень тревоги
Социальные	
Теория добровольческих организаций и социального капитала (Putnam)	Членство в добровольческих объединениях
Теория социальных сетей (Yamagishi)	Неформальные дружеские и семейные связи
Теория местных сообществ (House and Wolf, Putnam)	Размер населенного пункта, удовлетворенность от участия в делах сообщества, безопасность в сообществе
Социетальные теории (Fukuyama, Inglehart; Knack and Keefer)	Социальные конфликты, удовлетворенность функционированием демократических институтов, политические свободы, общественная безопасность

Между тем сложность в установлении однозначных каузальных связей между используемыми в исследованиях переменными и доверием позволяет его рассматривать не только как зависимую переменную, на которую оказывают влияние определенные факторы, но и как независимый параметр, в свою очередь, определяющий характер социальных процессов и явлений. В частности, ряд авторов относят доверие к числу индикаторов состояния социальной безопасности, что позволяет им выделить социумы с высоким уровнем доверия – потенциально более безопасные и социумы с низким уровнем доверия – небезопасные (Лига, 2013: 170–177). Мы солидарны с М.Б. Лигой в том, что подобное разделение весьма условно и постановка вопроса об использовании доверия в качестве индикатора социальной безопасности

должна ориентировать исследователей на выявление субъективных и объективных предпосылок доверия, изучение условий и средств, которые обеспечивают формирование определенного доверия внутри страны.

Как показывают международные сравнения, уровень обобщенного доверия в России невелик: только 27,7% респондентов, участвовавших в шестой волне Всемирного исследования ценностей (2010–2014), согласились с утверждением о том, что большинству людей можно доверять. При этом сходные показатели доверия наблюдались как в странах постсоветского пространства (Украина, Словакия, Польша), так и в странах, различающихся своим географическим положением, уровнем социально-экономического развития, имеющих ярко выраженные социокультурные особенности (Аргентина, Великобритания, Италия, Южная Африка; рис. 1), что еще раз свидетельствует о ложности упрощенного понимания доверия с позиций только одного, узконаправленного подхода.

Целью данной статьи является комплексная оценка генерализованного доверия в российском приграничье. Проводится сравнительный анализ использования различных шкал (вариантов вопроса) для измерения уровня доверия, осуществляется попытка построения интегрального индекса. Исследуются факторы, обуславливающие различия в уровне доверия среди различных групп и слоев населения. При этом репертуар выбранных факторов позволяет протестировать сразу несколько из вышеперечисленных теорий, в частности теории, ассоциирующие доверие с социальным благополучием и удовлетворенностью индивида, а также социальные теории, подчеркивающие роль местного сообщества и влияние социоструктурных факторов.

Source: Trust (World Values Survey (2014))

Note: See source for further details regarding specific survey question.

OurWorldInData.org/trust • CC BY-SA

Рис. 1. Индекс обобщенного доверия: межстрановые сравнения по результатам Всемирного исследования ценностей, 6-я волна (Источник: <https://ourworldindata.org/trust#cross-country-surveys>)

Методы

Исследование обобщенного доверия проводилось на основе данных, полученных в результате социологических опросов в шести регионах России: Алтайском крае, Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Красноярском крае, Омской области и Оренбургской области (2017–2018 гг., многоступенчатая стратифицированная выборка, n = 2400, возраст опрошенных – 18–70 лет).

Для измерения обобщенного доверия использовались классические шкалы и батареи вопросов, применяемые в международных исследовательских проектах, таких как General Social Survey (GSS) и World Values Survey (WVS), а также национальных опросах общественного мнения, проводимых ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центром. Часть из них были модифицированы для получения более дифференцированных, приближенных к количественным оценкам.

Как правило, для оценки генерализованного доверия используется вопрос: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношении с людьми следует быть осторожными?». Предполагается, что именно такая формулировка дает наиболее объективные оценки базовых диспозиций индивидов, позволяя идентифицировать их с психологической точки зрения как доверяющих либо не доверяющих. Данный вопрос неоднократно подвергался критике как нечеткий и неопределенный, сложный для интерпретации. Так, в известной работе Э. Глейзера (2000: 812) отмечается, что вариация ответов на данный вопрос может быть вызвана не только изменчивостью обобщенного доверия как такового, но и многими другими причинами, такими как различия в общей оценке надежности, различия в понимании того, кто является «большинством», в оценке того, что означает «доверять кому-либо», или способностью определить поведение, заслуживающее доверия/недоверия. Между тем мы солидарны с К. Ньютоном, справедливо подчеркивающим тот факт, что доверие является в большей степени реакцией индивида на изменения в окружающей его действительности, чем некоторой устойчивой и неизменяемой чертой его личности. Соответственно вопрос о том, насколько индивиды доверяют людям в целом, практически ничего не дает в понимании внутренних установок индивида на доверие, но при этом позволяет оценить степень безопасности социальной среды, в которой проживает респондент.

В проведенном исследовании для оценки обобщенного доверия применялись три вопроса, оцениваемых респондентами по 10-балльной шкале, где 10 баллов означало максимальную выраженность доверия, а 1 балл – практически полное его отсутствие. Первый из них имел классическую формулировку, приведенную выше. Второй вопрос представлял собой уточнение к первому в виде ограничения доверия по отношению к окружающим людям. Поскольку при этом не указывалось, что это знакомые люди (каждого из нас окружает множество незнакомых людей), этот вопрос являлся редукцией обобщенного доверия к социальному пространству, ограниченному местом проживания респондента. Третий вопрос касался оценки готовности оказывать взаимопомощь в социальном окружении индивида как индикатора потенциала вступать во взаимодействие и кооперацию, представляющего имманентную характеристику обобщенного доверия. Несмотря на то, что вопрос

задавался не о самом респонденте, а о его типичном окружении, в ходе ответа на отвечающего воздействовал механизм проекции, проявляющийся в переносе своих ожиданий и предрасположенностей на гипотетических «других», чье поведение он пытался спрогнозировать.

Первичный анализ описательных статистик дополнялся расчетом индексов и интегральных показателей на основе IRT моделей, позволяющих оценить психометрическое качество полученной шкалы и отдельных его элементов. По каждому виду доверия на основе анализа различий и регрессионных моделей исследовались структурные факторы, определяющие его выраженность в шести приграничных регионах России. Были описаны типичные факторы, релевантные для всех регионов, факторы, специфичные для регионов особого типа, и уникальные факторы, определяющие своеобразие манифестации доверия в определенном регионе, а также взаимосвязи между различными видами доверия.

Результаты

Согласно полученным данным, уровень обобщенного доверия в исследуемых регионах у большинства населения варьировал в диапазоне от 3 до шести 6, среднее значение составило 4,57 балла, медиана – 5,0 балла. Оценка доверия по отношению к окружающим была значительно более высокой: среднее значение – 6,2 балла, медиана – 6,0 балла, межквартильный размах – от 5 до 8 баллов. Таким образом, ближайшее окружение респондента оценивалось как более заслуживающее доверия, надежное и безопасное. Оценки готовности людей помогать друг другу занимали промежуточное положение между оценками обобщенного доверия и доверия к окружающим: среднее значение составило 5,8 балла, медиана – 6,0 балла, межквартильный размах охватывал диапазон от 4 до 7 баллов.

По всем трем показателям доверия были выявлены статистически достоверные различия в группах, выделяемых на основе места проживания и уровня образования. Жители сел были склонны демонстрировать более высокие уровни доверия к людям в целом (среднее значение 4,81), доверия к окружающим (6,36) и оценки взаимопомощи (5,92), чем жители городских поселений (средние значения 4,45, 6,13 и 5,68 соответственно), а оценки респондентов с низким образовательным уровнем – со средним профессиональным образованием были значимо ниже, чем у респондентов с высшим образованием (разница по всем переменным составила около 0,4 балла).

Обобщенное доверие, кроме поселенческих и образовательных факторов, было взаимосвязано с социальным статусом и самооценкой материального положения. Респонденты с высоким социальным статусом, занимающие руководящие должности, обладали также более высоким уровнем обобщенного доверия, чем респонденты с низким социальным статусом, находящиеся на попечении государства. Основные различия пролегли между оценками пенсионеров (среднее значение 4,37) и наемных работников (4,48), с одной стороны и более высокими оценками руководителей (4,97) с другой. Взаимосвязь с уровнем доходов была сходной и являлась еще одним подтверждением тезиса о том, что успешные индивиды, занимающие верхние ступеньки социальной лестницы, более склонны доверять другим,

что связано прежде всего с большими возможностями контроля и прогнозирования ситуации и возможностями выбора при принятии решений. Основные расхождения в оценках наблюдались между достаточно обеспеченными (4,94) и богатыми людьми (4,96) и всеми остальными категориями респондентов (вариация средних оценок от 4,15 до 4,51 балла).

Неоднозначна была выявленная взаимосвязь оценок обобщенного доверия с национальностью. Доверие к окружающим было выше в группе с русской этнической идентичностью (6,26 балла по сравнению с 5,86 балла в группе представителей других национальностей), тогда как вера в возможность получить поддержку от окружающих, напротив, была присуща респондентам других национальностей кроме русской (5,82, в группе русских респондентов – 5,74).

Религиозность респондента оказалась взаимосвязана с оценкой выраженности в обществе тенденций к взаимопомощи. Среди верующих доля тех, кто высоко оценивал вероятность взаимной поддержки, была достоверно выше (среднее значение 6,02), чем среди неверующих – 5,71 (табл. 2).

Таблица 2

Выраженность обобщенного доверия в различных социальных группах, средние значения, общая выборка

Фактор		Доверие к людям в целом	Доверие к окружающим	Оценка взаимопомощи
Место проживания	Город	4,45**	6,13*	5,68*
	Село	4,81**	6,36*	5,92*
Пол	Мужчины	4,52	6,1	5,61*
	Женщины	4,61	6,29	5,87*
Возраст	18–24	4,59	6,28	5,76
	25–34	4,71	6,32	5,71
	35–44	4,38	6,15	5,80
	45–59	4,66	6,24	5,84
	60+	4,41	5,93	5,59
Уровень образования	Высшее и более	4,84**	6,42**	6,05**
	Среднее профессиональное и ниже	4,42**	6,09**	5,6**
Социальный статус	Учащиеся	4,85**	7	6,19
	Наемные работники	4,48**	6,29	5,83
	Неработающие	4,53**	5,97	5,49
	Пенсионеры	4,37**	6	5,58
	Руководители	4,97**	6,17	5,88
	Студенты	4,67**	6,38	5,69

Фактор		Доверие к людям в целом	Доверие к окружающим	Оценка взаимопомощи
Самооценка материального положения	Очень бедно	4,15**	5,58	5,33*
	Бедно	4,41**	6,02	5,37*
	Средне	4,51**	6,22	5,79*
	Обеспеченно	4,94**	6,32	5,99*
	Богато	4,96**	6,38	6,04*
Национальность	Другие национальностей	4,6	5,86*	5,82*
	Русские	4,56	6,26*	5,74*
Религиозность	Неверующие	4,55	6,21	5,71*
	Верующие	4,66	6,22	6,02*

* p < 0,05, ** p < 0,01, t-критерий.

Анализ региональных различий по переменным обобщенного доверия показал, что его выраженность значительно дифференцируется в охваченных исследованием регионах, что позволило выделить группы регионов, сходных по его характеристикам (на основе однофакторного дисперсионного анализа).

Так, по уровню доверия к людям в целом было выделено четыре группы. Отдельные группы составили регионы с высокими (Еврейская автономная область, далее ЕАО, – 5,34 балла), средними (Омская область – 4,83 балла), и низкими (Оренбургская и Кемеровская области – 4,11–4,29 балла) относительно всей совокупности регионов оценками. Оценки жителей Алтайского (4,37) и Забайкальского краев (4,45) занимали промежуточное положение между высокими и средними оценками.

Оценки доверия к окружающим людям были максимально высокими в Оренбургской области (6,62) и низкими – в Забайкальском крае (5,79), оценки Омской области (6,43) входили в группу высокой и средней выраженности, Алтайского края (6,07) и Кемеровской области (6,11) – в группу средней и низкой выраженности. Оценки респондентов из ЕАО занимали промежуточное положение.

Оценки взаимопомощи в социальном окружении также были сведены в четыре группы. В группу наиболее высоких оценок вошла Оренбургская область (6,45), средних – ЕАО (5,74) и Омская область (5,82), низких – Забайкальский край (5,22). Оценки респондентов из Алтайского края (5,62) и Кемеровской области (5,67) занимали промежуточное положение между низкими и средними оценками.

Поскольку во всех регионах между всеми показателями обобщенного доверия существовали статистически значимые и довольно сильные взаимосвязи на уровне не ниже 0,35 (исключение составила связь между обобщенным доверием и доверием к окружающим людям в Оренбургской области, табл. 3), это позволило рассчитать интегральный индекс обобщенного межличностного доверия. Для этой цели использовались двухфакторные логистические модели IRT для политомических переменных (Graded Response model) (Samejima, 1997). При обработке данных

использовалась среда R и специализированный пакет для анализа латентных черт ltm (Rizopoulos, 2006).

Таблица 3

Корреляционные взаимосвязи между различными переменными обобщенного доверия, ρ Спирмена

Регион		Доверие к людям в целом	Доверие к окружающим	Взаимопомощь
Алтайский край	Доверие к людям в целом	1,000	0,440**	,350**
	Доверие к окружающим	,440**	1,000	,419**
	Взаимопомощь	0,350**	0,419**	1,000
ЕАО	Доверие к людям в целом	1,000	0,636**	0,592**
	Доверие к окружающим	0,636**	1,000	0,490**
	Взаимопомощь	0,592**	0,490**	1,000
Забайкальский край	Доверие к людям в целом	1,000	0,464**	0,507**
	Доверие к окружающим	0,464**	1,000	0,520**
	Взаимопомощь	0,507**	0,520**	1,000
Кемеровская область	Доверие к людям в целом	1,000	0,593**	0,492**
	Доверие к окружающим	0,593**	1,000	,590**
	Взаимопомощь	,492**	,590**	1,000
Омская область	Доверие к людям в целом	1,000	,453**	,361**
	Доверие к окружающим	,453**	1,000	,360**
	Взаимопомощь	,361**	,360**	1,000

Регион		Доверие к людям в целом	Доверие к окружающим	Взаимопомощь
Оренбургская область	Доверие к людям в целом	1,000	,164**	,325**
	Доверие к окружающим	,164**	1,000	,650**
	Взаимопомощь	,325**	,650**	1,000

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

В таблице 4 представлены основные психометрические характеристики интегрального индекса обобщенного межличностного доверия. Анализ внутренней согласованности шкалы показал, что входящие в него переменные хорошо коррелируют с суммарными баллами ($\alpha = 0,72$) и удаление любой из них приводит к существенному ухудшению надежности всего индекса (см. в таблице графу «альфа при исключении пункта»). Показатели сложности β_1 – β_9 , представляющие собой уровень выраженности латентного признака (в данном случае обобщенного доверия), обеспечивающего 50%-ю вероятность дать определенный ответ, позволяют оценить, как разные показатели оцениваются респондентами с различной выраженностью обобщенного доверия. В середине таблицы полужирным шрифтом выделены значения (β_5), показывающие, каким уровнем обобщенного доверия должны обладать респонденты, чтобы иметь 50%-ю вероятность дать ответ на вопрос в виде 5 баллов или ниже. По таблице хорошо видно, что вопрос о доверии ко всем людям в целом обладает большей сложностью по сравнению с другими двумя вопросами, так как для того, чтобы отметить 5 баллов, требуется обладать выраженностью обобщенного доверия на уровне 1,0 стандартного отклонения выше среднего по всей выборке. Значения сложности для остальных пунктов для данного варианта ответа близки к нулю ($-0,5$ и $-0,1$), что соответствует среднему уровню выраженности признака.

Последняя графа в таблице содержит сведения о дискриминативности входящих в шкалу показателей, их способности дифференцировать респондентов с высоким и низким уровнем выраженности обобщенного доверия. Дискриминативность зависит как от уровня сложности входящих в шкалу пунктов, так и от выраженности того латентного свойства, на измерение которого направлена шкала. В нашем случае наилучший показатель дискриминативности был у вопроса о доверии к окружающим, чуть хуже – у вопроса о готовности людей помогать друг другу и самый низкий – у вопроса о доверии к людям в целом. Показатели сложности расположены практически равномерно по обе стороны от среднего значения, что свидетельствует о хорошей сбалансированности шкалы, ее способности дифференцировать индивидов с различной выраженностью уровня обобщенного доверия. Об этом же свидетельствуют данные информационных кривых отдельных показателей и информационной функции всей шкалы, представленные на рисунке 2.

Таблица 4

Психометрические характеристики интегрального индекса обобщенного межличностного доверия, альфа Кронбаха, показатели сложности и дискриминативности шкалы

	Альфа при исключении пункта	β_1	β_2	β_3	β_4	β_5	β_6	β_7	β_8	β_9	D
Все пункты	0,72										
Обобщенное доверие	0,67	-2,5	-1,8	-1,0	-0,2	1,0	1,7	2,6	3,9	5,0	1,56
Доверие к окружающим	0,59	-4,8	-3,9	-2,7	-1,8	-0,5	0,2	1,1	2,3	3,8	2,24
Оценка взаимопомощи	0,64	-5,0	-3,5	-2,4	-1,4	-0,1	0,7	1,7	2,9	4,3	1,84

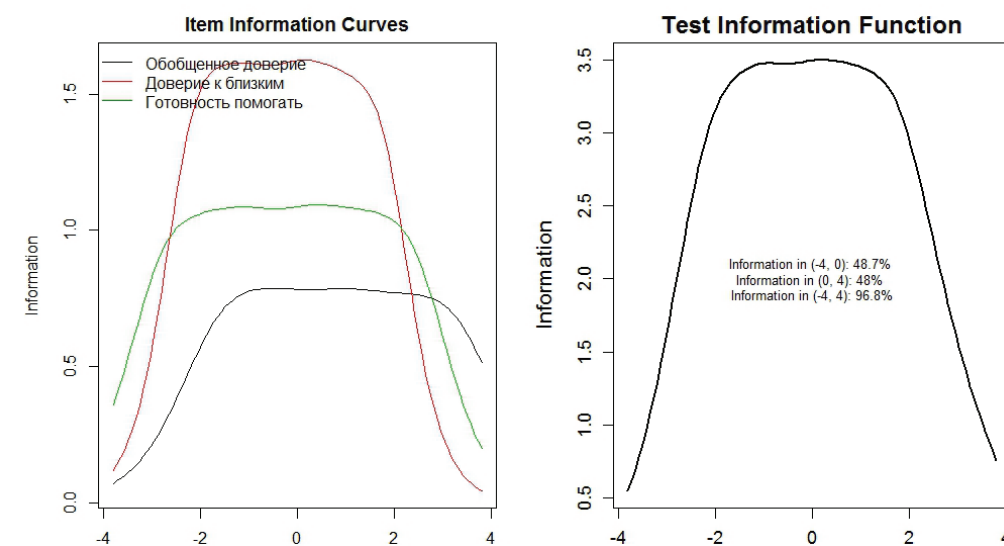

Рис. 2. Информационные кривые и значения информационной функции индекса обобщенного доверия

Завершающим этапом анализа обобщенного доверия являлось построение регрессионных моделей для каждого региона в отдельности и выборки в целом, позволивших оценить эффекты, оказываемые различными факторами. В качестве зависимой переменной выступала полученная в ходе IRT моделирования шкала (индекс) обобщенного межличностного доверия, а в качестве предикторов – те же переменные, по которым мы выявляли различия на предыдущих этапах анализа.

Ключевыми факторами, оказывающими влияние на уровень доверия во всех регионах, охваченных исследованием, выступали: уровень образования, пол респондента, место проживания, социальный статус и материальное положение. Рассмотрим указанные факторы подробнее.

Положительный эффект образования проявился в трех регионах из шести – Алтайском крае, ЕАО (на уровне тенденции) и Оренбургской области, в последнем из перечисленных регионов его вклад был максимальным.

Фактор гендерных различий хоть и обладал статистической значимостью для всей совокупности регионов, имел слишком малое абсолютное значение (0,08) для того, чтобы можно было утверждать, что он оказывает какое-либо воздействие на уровень доверия. По сути данный фактор оказался релевантным только для Еврейской автономной области (0,27), а в других регионах коэффициенты были близки к нулю.

Поселенческие особенности в регрессионных моделях проявились в положительном влиянии на доверие факта проживания в сельской местности, максимально проявившимся в Еврейской автономной области (0,42) и Омской области (0,28) и являющимся значимым для всей совокупности регионов.

В ходе анализа влияния социального статуса (категориальная переменная) на уровень обобщенного доверия в качестве референтной группы была определена группа неработающих респондентов. В результате оказалось, что только статус учащегося имел значимый эффект (0,35) на обобщенной выборке, но он не подтвердился на приемлемом статистическом уровне ни в одном из регионов. При этом в Алтайском крае значимое влияние на уровень доверия оказывал статус руководителя, в Кемеровской области – статус студента, в других регионах данные эффекты не проявились. Вклад материального положения была значим для Забайкальского края (0,19) и для выборки в целом (0,06), но не оказывал существенного влияния на уровень обобщенного доверия в других регионах.

Помимо указанных факторов, в ходе регрессионного анализа были выявлены факторы, являющиеся специфичными для отдельных территорий. В Алтайском крае таким фактором выступала национальность, в частности обладание русской этничностью, а в Кемеровской области – религиозность (табл. 5).

Отметим, что, несмотря на высокую статистическую значимость выявленных факторов, их доля в общей совокупности детерминант доверия оказывается весьма небольшой и описывает только 8% его изменчивости (см. показатель Adj R²). С учетом данного нами теоретического обоснования того, что обобщенное доверие является следствием не только личностных диспозиций и ожиданий, но и оценки надежности и безопасности среды, в которой проживает респондент, выявленные взаимосвязи являлись следствиями закономерностей более высокого порядка, регулирующих социальные отношения на уровне отдельных региональных социумов и страны в целом.

Стандартизированные коэффициенты обобщенных линейных моделей генерализованного доверия для отдельных регионов и выборки в целом

Фактор/Регион	Алтайский край	ЕАО	Забайкальский край	Кемеровская область	Омская область	Оренбургская область	Все регионы
Образование (высшее)	0,25**	0,19	-0,05	0,11	0,04	0,28*	0,15**
Пол (женщины)	-0,03	0,27*	0,05	0,05	0,04	0,10	0,08*
Место проживания (село)	-0,02	0,42**	-0,12	0,01	0,28*	0,05	0,13**
Национальность (русские)	0,22	0,18	-0,18	0,14	0,11	0,08	0,05
Вера (верующие)	0,06	0,02	-0,05	0,26*	0,05	0,16	0,06
Статус (учащиеся)	-0,03	0,70	0,17	0,42	-0,08	0,42	0,35*
Статус (наемные работники)	0,06	0,12	0,09	0,17	-0,04	-0,03	0,07
Статус (пенсионеры)	0,13	-0,09	-0,02	0,21	-0,07	-0,21	-0,01
Статус (руководящие должности)	0,29*	-0,03	0,18	0,32	0,27	-0,04	0,12
Статус (студенты)	0,01	0,12	0,30	1,05**	0,04	-0,12	0,19
Материальное положение	0,10	0,08	0,19*	-0,01	0,06	-0,03	0,06*
R ²	0,07	0,11	0,04	0,06	0,04	0,06	0,02
Adj. R ²	0,04	0,08	0,01	0,03	0,00	0,02	0,02

* p < 0,05, ** p < 0,01.

Заключение

Проведенное исследование показало, что уровень обобщенного доверия в обществе является показателем его безопасности и открытости, необходимых для формирования вертикальных и горизонтальных связей, внутри которых формируется социальный капитал, зарождаются ассоциации и объединения граждан, развивается гражданское общество. Обобщенное доверие респондентов, опрошенных в шести регионах России, измеряемое как доверие к людям в целом, соответствует среднему уровню, оно значимо меньше доверия, оказываемого окружающим, и уступает оценке готовности помогать людям. Наибольшие различия в выраженности обобщенного доверия наблюдались между Оренбургской областью, где уровень доверия был относительно высоким, и Забайкальским краем, испытывающим кризис доверия на межличностном уровне.

Исходя из выявленных в ходе исследования различий, отметим: обобщенное доверие характеризует не только отдельных индивидов или общество в целом, но и отдельные социальные группы и слои общества. Социальное неравенство и расслоение, различия в образе жизни и социальных представлениях приводят к тому, что обобщенное доверие в обществе распределяется неравномерно, в отдельных группах его уровень довольно высок, тогда как в других он настолько низок, что это становится фактором, снижающим уровень социальной и экономической активности, фактором дезинтеграции и исключения данной группы из системы социальных связей и отношений.

Воспроизведенные на региональных выборах регрессионные модели являлись эмпирическим доказательством того, что, с одной стороны, существуют факторы, общие для всех регионов, а с другой – что в каждом регионе имеются регионально специфичные факторы, обуславливающие различия в уровне обобщенного доверия. Такими общими факторами являлись образование и место проживания, социальный статус и материальное положение, подтверждающие постулаты теории социального благополучия, социальных сетей и местного сообщества, а специфическими – социокультурные факторы: национальность и степень религиозности, характеризующие этнокультурное и конфессиональное разнообразие российских регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева А. Уверенность, обобщенное и межличностное доверие: критерии различия. *Социальная реальность*, 2008, (7), 85–98.
- Иванов А.В. Теория социального доверия: методологические проблемы социально-философской концептуализации. *Современные проблемы науки и образования*, 2015, (1-1), 17–34.
- Лига М. Б. Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ. *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки*, 2013, 4(51), 170–177.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; НИИ «Ермак», 2004.
- Штомпка П. Доверие–основа общества. М, 2012.
- Braithwaite V., Levi M. (Eds.). (2003). *Trust and governance*. Russell Sage Foundation.
- Colquitt J. A., Scott B. A., LePine J. A. Trust, trustworthiness, and trust propensity: a meta-analytic test of their unique relationships with risk taking and job performance. *Journal of applied psychology*, 2007, 92(4), 909–927. doi:10.1037/0021-9010.92.4.909
- Delhey J., Newton K. Who trusts?: The origins of social trust in seven societies. *European Societies*, 2003, 5(2), 93–137. doi:10.1080/1461669032000072256
- Glaeser, E., Laibson D., Scheinkman J., Soutter C. Measuring trust. *Quarterly Journal of Economics*, 2000, 115(3), 811–846. doi:10.1162/003355300554926

- Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives. *Trust: Making and breaking cooperative relations*, 2000, (6), 94–107.
- Nannestad P. (2008). What have we learned about generalized trust, if anything?. *Annu. Rev. Polit. Sci.*, 11, 413–436. doi:10.1146/annurev.polisci.11.060606.135412
- Newton K. Trust, social capital, civil society, and democracy. *International Political Science Review*, 2001, 22(2), 201–214. doi:10.1177/0192512101222004
- Rizopoulos D. ltm: An R package for latent variable modeling and item response theory analyses. *Journal of statistical software*, 2006, 17(5), 1–25. doi:10.18637/jss.v017.i05
- Samejima F. Graded response model. In: *Handbook of modern item response theory*. Springer New York, 1997. Pp.85–100. doi:10.1007/978-1-4757-2691-6_5
- Simmel, G. *The Sociology of Georg Simmel*, translated and edited by Kurt Wolff, Glencoe, Ill.: Free Press, 1950.
- Stolle D. Trusting strangers – the concept of generalized trust in perspective. *Austrian Journal of Political Science*, 2002, 31(4), 397–412.
- Uslaner E. M. *The moral foundations of trust*. Cambridge University Press, 2002.
- Uslaner, E. M. Trust, democracy and governance: Can government policies influence generalized trust? In: *Generating social capital*. Palgrave Macmillan, New York, 2003. pp. 171–190. doi:10.1057/9781403979544_9
- Van Lange, P. A. M. Generalized Trust. *Current Directions in Psychological Science*, 2015, 24(1), 71–76. doi:10.1177/0963721414552473

REFERENCES

- Alekseeva A. (2008). Uverennost', obobshhennoe i mezhlchnostnoe doverie: kriterii razlicheniya [Confidence, generalized and interpersonal trust: criteria of distinction]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social reality], no 7, 85–98.
- Ivanov A.V. (2015). Teoriya sotsial'nogo doveriya: metodologicheskie problemy sotsial'no-filosofskoj kontseptualizatsii [The theory of social trust: methodological problems of social philosophical conceptualization]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Contemporary problems of science and education], no 1, 17–34.
- Liga M.B. (2013). Sotsial'naya bezopasnost' i kachestvo zhizni: kontseptual'nyj analiz [Social safety and quality of life: the conceptual analysis]. *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Sociological Sciences*, no 4(51), 170–177.
- Fukuyama F.(2004). Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST, NPP “Ermak”.
- Braithwaite V., Levi M. (Eds.). (2003). *Trust and governance*. Russell Sage Foundation.
- Colquitt J. A., Scott B. A., LePine J. A. (2007). Trust, trustworthiness, and trust propensity: a meta-analytic test of their unique relationships with risk taking and job performance. *Journal of applied psychology*, no 92(4), 909–927. doi:10.1037/0021-9010.92.4.909
- Delhey, J., & Newton, K. (2003). Who trusts?: The origins of social trust in seven societies. *European Societies*, no 5(2), 93–137. doi:10.1080/1461669032000072256

- Glaeser, E. L., Laibson, D. I., Scheinkman, J. A., & Soutter, C. L. (2000). Measuring Trust. *Quarterly Journal of Economics*, no 115(3), 811–846. doi:10.1162/003355300554926
- Luhmann N. (2000). Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives. *Trust: Making and breaking cooperative relations*, no 6, 94–107.
- Nannestad, P. (2008). What Have We Learned About Generalized Trust, If Anything? *Annual Review of Political Science*, no 11(1), 413–436. doi:10.1146/annurev.polisci.11.060606.135412
- Newton, K. (2001). Trust, Social Capital, Civil Society, and Democracy. *International Political Science Review*, no 22(2), 201–214. doi:10.1177/0192512101222004
- Rizopoulos, D. (2006). Irm: An RPackage for Latent Variable Modeling and Item Response Theory Analyses. *Journal of Statistical Software*, no 17(5). doi:10.18637/jss.v017.i05
- Samejima, F. (1997). Graded Response Model. *Handbook of Modern Item Response Theory*, 85–100. doi:10.1007/978-1-4757-2691-6_5
- Simmel, Georg (1950) *The Sociology of Georg Simmel*, translated and edited by Kurt Wolff, Glencoe, Ill.: Free Press.
- Stolle D. (2002). Trusting strangers—the concept of generalized trust in perspective. *Austrian Journal of Political Science*, no 31(4), 397–412.
- Uslaner E. M. (2002). *The moral foundations of trust*. Cambridge University Press.
- Uslaner, E. M. (2003). Trust, democracy and governance: Can government policies influence generalized trust?. In *Generating social capital* (pp. 171-190). Palgrave Macmillan, New York. doi:10.1057/9781403979544_9
- Van Lange, P. A. M. (2015). Generalized Trust. *Current Directions in Psychological Science*, no 24(1), 71–76. doi:10.1177/0963721414552473

УДК 316.4

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АСПЕКТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

М.В. Жукова, Л.А. Мануковская

*Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета,
Рубцовск, Россия,
e-mail: krukova@rb.asu.ru*

Авторами было рассмотрено влияние международной миграции на общественную безопасность. Представлен анализ ситуации в сфере международной миграции в РФ и Республике Беларусь за период 2007–2016 гг. Авторами проведено исследование и выявлены общие тенденции в международном миграционном обмене данных стран. Анализ статистических данных РФ и РБ позволил определить увеличение интенсивности миграционного обмена между странами СНГ и странами дальнего зарубежья. Отмечена проблема обеспечения общественной безопасности, связанная с нелегальной международной миграцией. В заключение рассмотрены направления совершенствования миграционной политики.

Ключевые слова: общественная безопасность, миграция, международная миграция, нелегальная миграция.

ENSURING PUBLIC SAFETY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL MIGRATION (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS)

M. V. Zhukova, L. A. Manukovskaya

*Rubtsovsk institute (branch) Altai State University, Rubtsovsk (Russia),
e-mail: krukova@rb.asu.ru*

Authors considered the impact of international migration on public safety in article. The analysis in the field of international migration presents in the Russian Federation and the Republic of Belarus for 2007-2016. Authors conducted a study and identified the General trends in international migration exchange of these countries. The analysis of statistical data of the Russian Federation and the Republic of Belarus has allowed to determine the increase in the intensity of migration exchange between CIS countries and far abroad. We highlighted the problem